

Плата за капельку счастья

Автор:

Евгения Михайлова

Плата за капельку счастья

Евгения Михайлова

Детектив-событие Частный детектив Сергей Кольцов

После развода Берта считает себя свободной и уверена, что теперь ее жизнь сложится так, как она хочет. Но судьба распоряжается иначе – у Берты отнимают все, что ей дорого...

Во дворе собственного дома архитектор Анатолий встречает свою любовь – красавицу БERTУ. Но мир оказывается слишком жесток к ним, и от этой жестокости не убежать и не спрятаться, можно только объявить ей войну...

Частный детектив Сергей Кольцов знакомится с Анатолием, когда тот проектирует ему дом, и не может пройти мимо страшных неприятностей, обрушившихся на новую семью архитектора...

Иногда во имя всеобщего блага приходится жертвовать лучшими людьми. Главное, чтобы эта жертва не стала напрасной...

Евгения Михайлова

Плата за капельку счастья

© Михайлова Е., 2017

* * *

Предисловие

В этой книге переплелись реальные события, вымысел и фантастика. Так я с позиции сегодняшнего дня увидела перспективу грядущих событий. Цивилизацию строгой науки и передовой мысли. Будущее смотрит нам в глаза, оно обучаемо.

Писать этот роман временами было тяжело и больно. Но я уверена, что так может быть. Исчезнут навсегда глобальные войны. На страже мира встанет мысль, а не армии и не бомбы. Любая агрессия и античеловеческая ненависть разобьется о непробиваемую мощь интеллекта.

Гуманистика, просвещенная, гибкая, подчинит себе все достижения науки, техники, великие идеи и станет единственным элитным подразделением на Земле. Она соединит доброту без границ и предельную, необходимую жестокость.

Но во имя мира и справедливости жертвами могут стать и самые лучшие, самые храбрые. Такова логика борьбы.

Таков мой детективный роман-событие о мире и любви.

Чсть имею. Евгения Михайлова

ЗА ОКНОМ ЖИВОДЕРСКАЯ РАТЬ

Покатились глаза собачьи

Золотыми звездами в снег.

Сергей Есенин

Все персонажи и НЕ все события романа вымышленные

Часть первая

Берта и любовь

Глава первая

Встреча Берты

Влюбилась, что ли? Да нет, так не бывает. Просто на рассвете под потоками дождя прошел мимо Берты незнакомый человек. Почему-то поздоровался. Она его видела впервые. Впрочем, он не поздоровался, всего лишь буркнул «здрасьте», как знакомой сто лет соседке. Она ответила. Но она точно не знает этого человека. А он, получается, живет здесь, раз вышел из соседнего дома с собакой. С девочкой золотистого ретривера. Возможно, к кому-то приехал. Берта шла со своей шоколадной и шелковистой бульдожкой Тусей. Кто не знает, то французская бульдожка – это такая прелесть – крошка, приветливая, глазастая и сплошное несовершенство. Грациозная в неуклюжести и красивая в неказистости. Берта подумала, что ее Туся отличается от золотистого ретривера, как она сама не похожа на его хозяина. Он был... Как сказать... Через месяц Берте тридцать, а такого мужчины она не встречала никогда в жизни. Он был как раз совершенством в своей мокрой «собачьей» куртке, узких джинсах, с седыми висками в молодых волосах, даже голос, которым он буркнул приветствие, звучал особенно, совершенно.

И все. Прошли и прошли. Туся пыталась заигрывать с золотистой незнакомкой, распутившей павлиний хвост, несмотря на дождь, но та мягко переступила через это несовершенство пушистыми ногами. Берта никому не дала бы через себя переступить, потому она ускорила шаг, проходя мимо мужчины и ретривера, и не оглянулась. И зачем ей было оглядываться, если у нее такая прекрасная зрительная память; все, что увидит, прячется в радужке надолго. В радужке ореховых глаз, глаз цвета Туси.

Ничего не случилось. Никому не расскажешь. Нечего. А ведь случилось на самом деле! Этот дождь, который стремился к совершенству ливня, нравился Берте, потому что был стеной между нею и другими людьми, между нею и скучными, несчастливыми домами, между нею и тем, что было. Между тем, что в душе и глазах, и тем, что она увидит дома в зеркале. Ведь в зеркале она увидит жалкую брошенку. С плотным, даже пышным телом, которое приходится укрощать садистским бельем. Но до сих пор для нее было главным, что ее воспитанникам в детском саду нравится такая уютная и теплая Берта.

Они с Тусей вернулись в квартиру. Дома было, кажется, более промозгло и холодно, чем на открытом пространстве. Берта вытерла и привела в порядок собаку, покормила ее. Встала перед зеркалом в прихожей и рассмеялась, увидев себя и Тусю. Новые собачники на их площадке нередко после знакомства спрашивают:

– Ой, я не помню, а кто из вас Берта и кто Туся?

Действительно, иногда встречаются и женщины Туси, производное от Натуси и Настуси, и бывают собачьи девочки Берты. Люди очень любят так называть своих собак. Красивое имя. Берта – это светлая, великолепная. Мало кому Берта говорит о том, что имя у нее – родовое. Так звали прапрапрабабушку, немецкую графиню Берту Альтан. Русский дворянин привез на родину немку-жену, их внуки попали в мясорубку пролетарской революции, прабабушку Берту из Гулага привез в Москву кузнец Иван. Здесь появился дедушка, познакомились мама с папой, а потом родилась она, среднестатистическая москвичка Берта, воспитательница детского сада, от которой за месяц до ее летнего отпуска ушел муж. Ушел к другой и вывез из дома всю электронику. Квартиру Берте купил отец еще до замужества. Впрочем, алименты на сына бывший супруг обещал платить с реальной зарплаты, а не с белой. Вот и вся ее биография до сегодняшнего дня. А сегодня Берта встретила незнакомого мужчину, который поздоровался с ней под дождем.

Она вошла в ванную, тщательно закрыла за собой дверь, как будто кто-то мог за ней подглядывать. Сняла мокрую одежду, влажное белье, пустила в ванну горячую струю, подождала, пока пар начнет туманить зеркало и трогать ее тело своей теплой и мягкой лапой. Она задумчиво смотрела на свое отражение. Сейчас, когда все становится теплым, влажным и нечетким, она очень похожа на ту БERTУ Альтан, которую когда-то привезли в Россию. Мама утверждает, что она даже красивее далекой прабабки. Конечно, у графини вряд ли были такие широкие упругие бедра, такая полная грудь. Это уже по части дочерей кузнеца Ивана. БERTА посмотрела на себя глазами незнакомого мужчины. Никогда раньше такое не приходило в голову. Времени не было, да и нужды, которой, впрочем, нет и сейчас. Просто посмотрела. Ужас, конечно. И эти гладкие каштановые волосы, которые она стрижет сама, по прямой. Подруга помогает сделать такую же прямую челку. Что-то вроде ухода за лошадиной гривой. Ужас? БERTА вдруг подумала: а может, нет?

БЕРТА была автором своего несовершенства. Мама говорит, что дело в ее пуританском воспитании. Она, родив девочку нереальной красоты, с раннего детства внушала ей, что это неприлично – выделяться среди других людей. Что они – потомки древнего рода с очень строгими и демократичными традициями скромности и кротости. Что самый тяжкий грех высокого рода и выдающейся красоты – отдавать себе в этом отчет. Считать это достоинством и преимуществом. Это не заслуги. За это судьба больно наказывает. Так БЕРТА и запомнила: нескромность больно наказывается. И делала все, чтобы быть такой, как все, старалась скрывать любое превосходство – как во внешности, так и в способностях, интеллекте. Когда у нее начинались неприятности, она сразу вспоминала о строгом нраве судьбы и начинала бороться с собственным пленительным обликом. Скорее всего, в этом, а не в предке кузнеце Иване, происхождение ее полноты. С неприятностями БЕРТА боролась с помощью сладкого. С завистью подруг – отсутствием нормальной одежды и какого-либо ухода за собой. Потом начались проблемы с Колей, за которого она вышла замуж по принципу известного анекдота: он такой нудный, что легче дать, чем объяснить, что ты его не хочешь. И все тот же принцип демократичности: не хотелось обидеть – показать, что считает его ниже себя. В результате он проел мозг цитатами своих бабушки и мамы: «Мужику жениться на красивой бабе – это себя не любить». Вот БЕРТА ему и помогала себя любить.

Она постояла под горячей водой, вышла розовая и покрытая каплями, как роза в росе. Боже, дошла до сравнений безумной Офелии. Подруги очень любили

выражать Берте сочувствие по поводу того, что ее бросил муж. Она не портила им удовольствия. Не говорила, что не страдает, что не любила своего Колю, а уж тем более не любила так, как любят в книжках, как предок-дворянин любил Берту Альтан. Как Иван-кузнец влюбился в другую Берту Альтан, раз свободой и жизнью рисковал, чтобы добиться разрешения на брак с врагом народа. Сильный, красивый сибирский мужик с могучими и талантливими руками продавал овощи со своего огорода хозяйственной службе лагеря для политических заключенных, неподалеку от которого он жил. Берту Альтан он увидел сквозь колючую проволоку, когда она шла с отрядом на работу. И запомнил ее бледное и светлое, как солнечное сияние, лицо. Влюбился. Стал приезжать именно в это время, стоял и смотрел. А потом Берту выпустили досрочно из-за подозрения на чахотку. Она вышла из ворот, в резиновых сапогах на босу ногу, в списанном ватнике, прошла десяток метров и упала без сознания. И было первым везением этих двоих то, что нашел ее именно он, Иван-кузнец. Принес на руках в свой дом, вызвал хорошего врача, который был у них в поселке на поселении, выходил. Потом продал дом, все хозяйство со скотиной и повез Берту в Москву, к известному хирургу с письмом от его ссыльного коллеги. Иван добился разрешения на брак. Хирург сделал Берте операцию на легком. Они со всем справились. Это была красивая, любящая семья. Родился сын. И началась война. Из-за судимости Берты Ивана отправили в штрафной батальон. Воевал и погиб. Без могилы.

Берта больше всего любит покой и тишину. Ей хватило грома, крови и страданий предков. Она легко отпустила Колю к его новой избраннице – богатой наследнице Клаве. Объективно они больше подходят друг другу. А Берте подходит, когда ее не попрекают каждый день тем, что она неэкономная, нехозяйственная, нестрогая мать, не наказывает сына, не... «А не пошел бы ты...» – сказала однажды Берта. И с нетерпением ждала, пока Коля упакует свою дорогую электронику. Кстати, прихватил и кое-что из того, что сам купил сыну. Когда за ним закрылась дверь, Берта сбегала и купила точно такие же ноутбук и планшет в ближайшем салоне. Владу сказала, что Туся сбросила со стола и разбила старые. Сын обрадовался новым гаджетам.

Сейчас Владик в деревне у мамы. Ему там хорошо. Мама тоже больше всего любит покой и тишину. Ее зовут Мария.

Выйти завтра в то же время, пройти по тому же месту. Берта видела, из какого подъезда он вышел со своей золотой собакой. Встретиться и спросить: как я тебе показалась? Просто спросить! Как Туся сегодня спросила у этой золотуньи.

А та, как графиня, сказала: ты мне вообще не показалась. У меня род древнее и краше. Сколько ерунды в отношениях придумали люди, как ушли они от простоты и естественности, вот почему они так невыгодно отличаются от своих братьев и сестер меньших.

Но она утром пойдет туда. А пока нужно одеваться, готовить еду, брать чистые и сухие подстилки из одеял, детские простынки, оставшиеся от Владика, и бежать к Рексу.

Берта бежала к тому двору, где ее ждал Рекс, и вдруг сообразила, что мужа, который сказал: «Только попробуй. Или я, или еще одна собака», – этого мужа больше у нее нет. И она может привести Рекса к себе домой! Какая же она глупая! Она не смогла перестроиться после ухода Коли, решала какие-то свои дела, а Рекс все это время ждал. Только не надо торопиться теперь. У нее скоро потечет Туся. Это большая проблема. Но она решаемая. Сейчас все же лето. Рекс пережил такую ненастную весну в своих будках, которые она ему старательно строила. Кто-то их постоянно уносил или рубил топором, а она вновь заказывала по Интернету, нанимала рабочих, и Рексу ставили новый дом. Он побудет еще недельку в том дворе, где дети выплакали у родителей разрешение, чтобы он жил у них. Это дети называли его Рексом. Ей хотелось бы назвать его Джоем. Она просто тает от его красоты и благородства. Это не пес, а радость. Но пусть будет Рекс, как называли дети. Он привык.

Еще не все закончили учебный год, Рекс продолжит, как всегда, провожать их в школу, пока не разъедутся по дачам и лагерям. «Ничего не делай резко, – так учила Берту мама. – Ко всему нужно привыкнуть и дать привыкнуть другим».

И Берта позвонила в ближайшую ветклинику, записала Тусю на стерилизацию.

– Ничего, детка, – сказала она вопросительным карим глазам. – Тебе не будет больно. Зато потом у тебя появится брат и защитник.

В общем, все так и решится. Берта, конечно, знает, что стерилизовать необходимо, что опасно пропустить возраст, когда у нерожавшей и нестерилизованной суки обнаружится онкология, как у большинства. Но так было жалко резать Тусю. Ветеринар всякий раз говорил ей: «Ты все-таки соотнеси несколько часов дискомфорта после операции с опасностью

мучительной гибели». Вот Рекс и помог сделать этот шаг, улыбнулась Берта.

Глава вторая

Встреча Рекса

Его все называли красавцем. Был момент, когда его, маленьким пушистым щенком, подняли сильные руки над теплой мамкой Симой, сибирской лайкой. Он крутился и пытался лизнуть того, кто его держал. А Сима вдруг завывала. И он сразу замерз. Он уже научился понимать свою мать. Она плакала, умоляла, чтобы ей его оставили, чтобы его не убили. У него заслезились молочные глазки. Ему очень понравилось жить. Он знал своего отца – черного большого ньюфаундленда. И тот в своем вольере тоже завывал, бросился на решетку, зарычал, залаял.

И мужской голос сказал:

– Этого оставим. Этот красавец. Его купят.

И он остался с мамой Симой. Потом его действительно купила женщина с теплыми, добрыми и щедрыми руками. Он так понял, что это тоже его мама. Он ее полюбил. В нем с рождения так билась и рвалась любовь. К другим собакам, к людям, к Симе, к гордому ньюфу, на которого он был похож, только он брак с хвостом сибирской лайки. К этой человеческой маме Марине. К ней больше всех, конечно. Его любовь выросла и стала умной.

Марина водила его на поводке, на площадке отпускала побегать с другими щенками, потом с большими собаками. Она очень им гордилась. Все говорили ей, что он красавец. Она отвечала: «Он – моя радость. Потому его имя Джой». Рекс отлично помнит свое первое имя – Джой.

Как же это потом случилось?.. Они с мамой Мариной вечером, как всегда, легли спать в ее спальне. Он рядом с кроватью, с ее стороны. Проснулся ночью от того, что Марина стонала и плакала, почти, как мама Сима. А никого не было. И ничьи жестокие руки не отрывали ее от него, от ее радости, от ее Джоя. Он подумал,

что Марина боится ненастной ночи, что она просто тоскует по утру, по лужайке, на которой будут играть две радости – он и солнце. Но она не встала в их время. Он тихо ждал, старался не шевелиться, чтобы не разбудить. Солнце уже смотрело в окно, оно их призывало и торопило. А Марина спала. Джой мягко прыгнул и лег с ней рядом. И замерз, как тогда, когда его подняли чужие руки. Холод заползал в его теплый мех от Марины. Холод и любовь. Потому он продолжал тихо лежать. Чтобы не разбудить.

Теперь он уже не помнит, сколько они так спали с Мариной. Но вдруг открылась входная дверь, и вошли люди, которые иногда приходили к ним в гости. Марина их почему-то называла «дети». Потом вошли другие люди, совсем чужие – в халатах, в черной форме. Джой лежал в углу комнаты и просто ждал несчастья. То, что это несчастье, он понял, когда люди в халатах накрыли простыней Марину и унесли на носилках. А кто-то из детей Марины дал деньги людям в форме. Джой понял, что это не на мясо для него. Мясо у них было в холодильнике. На него надели ошейник, пристегнули поводок. По поводку к нему побежала рябь от чужих рук. Но он пошел послушно, как хороший пес, как красавец, которого нельзя убивать.

Его привели на площадку, на которой уже не было солнца. Один черный человек встал с ним на поводке, другой отошел на небольшое расстояние и достал пистолет. «В голову целясь», – сказал тот, который держал. Джой послушно поднял и подставил этой черной руке свою лохматую, осиротевшую голову. Но с рукой что-то случилось. Они, может, и не поняли. Но пролетела ветром Марина, рука уронила пистолет.

– Ну, ладно, – сказал тот, что держал. – Скажем, что убежал. Может, кто и возьмет. Он красавец. Надо только огреть, чтобы не вернулся к этим добрым наследникам.

Он отстегнул поводок, нашел толстую палку, почти полено, и перебил Джою лапу. Джой стерпел и даже не заскулил. Так болело его преданное и осиротевшее сердце.

– Беги подальше, бобик, – сказал тот, который бил. – Может, повезет.

И он побежал, хромя, куда глаза глядят. Была у него, конечно, надежда, что он добежит до Марины. Он искал ее запах в разных дворах, где никогда не был.

Марину он не нашел. Ночью дрожал в чужих кустах. Утром отправился искать еду. Нашел кость, но грызть не стал: Марина говорила, что ему это вредно. Нашел корку хлеба, грустно ее пожевал. А потом по запаху пришел к какому-то магазину. Оттуда выходили люди и несли вкусные сумки. Люди его не трогали. Он лег так, как будто ждет хозяйку. Только кто покормит пса, который ждет хозяйку...

– Ты чей, такой красавец? – вдруг приятным добрым голосом спросила у него женщина, совсем непохожая на Марину, но она спросила голосом Марины.

Джой смотрел на нее умоляющими глазами, чтобы она в них прочитала, что он теперь ничей. Что Марину унесли, что его не убили, что у него болит лапа. Что он хочет есть... Она его поняла. И он в третий раз в жизни понял, как хорошо быть красавцем. Опять пришло спасение.

И женщина его полюбила, только у нее не было, наверное, дома. Потому что она привела его в тихий двор, говорила с людьми и детьми, которые там живут. Звонила по телефону, договаривалась о чем-то для него хорошо. Приехали люди, поставили ему настоящий терем. Женщина постелила в терем теплые подстилки и сухие простынки, которые пахли щенком, она принесла ему красивые миски. Дети радовались ему и смеялись. Сказали, что он будет Рексом. Он их всех за это благодарил. И глазами, и истосковавшимся по ласке языком. Женщина с ним познакомилась. Ее звали Берта, как одну знакомую колли. Она его покормила. Она и теперь его кормит два раза в день. Правильное питание, как говорила Марина. Она водила его в клинику, ему там лечили лапу, выписывали лекарства, выдали паспорт, как домашней собаке. Ему понравилась даже прививка. Он иногда просыпается теплыми для его меха ночами, смотрит на месяц, на звезды, и думает, кого он в жизни любит больше всех. Получалось у него, что Берту. И, сладко засыпая, он ждал встречи с ней утром.

Глава третья

Встреча Анатолия

Анатолий вернулся вечером с работы злой и не просто усталый, а выжатый. Устают от нормальной работы, а из бега с препятствиями, придуманного

идиотами, ты выходишь таким же идиотом. И слабаком. Надо бы в том кабинете шваркнуть дверь, чтобы очки с того носа слетели. Надо бы на той стройке дать по морде ворюге-прорабу, надо бы порвать этот «правленный», а по факту изуродованный «культурной» комиссией свой бывший эскиз реставрации старинного особняка, украшения Москвы... Надо бы плюнуть на всю эту мутотень и уехать в красивый и свободный город Париж... Но утром на работу. Но люди будут его ждать. Но Джессика – московская собака. Понравится ли ей Париж? Но... Надо сдавать свою квартиру в центре, чтобы посылать деньги брату на лечение жены. Они так хотят детей, просто помешаны на этой мысли. Анатолий их понимает: они хотят видеть воплощение и земное продолжение своей любви. Не всем так везет – полюбить. Ему, Анатолию, в этом не повезло ни разу. Проблем с женщинами, конечно, нет. Но нет любви. Вот такой он нудный тип. Сплошные «но». Так и говорила бывшая жена. При этом цеплялась за него чуть ли не зубами, так не любит выпускать из рук свое. Но! В данном случае спасительное «но». Терпеть женщину, по отношению к которой не возникла даже привычка дышать рядом, не имеет смысла, раз нет любви. Почему женился? А почему нет? Она ничего. Было несколько неплохих ночей. Потом как порядочный человек он был обязан... Так вроде говорится?

Анатолий купил бывшей жене другую квартиру, забрал Джессику, сдал свою дорогую, посылает деньги за нее брату с женой в те страны, где они ловят свою надежду на детей, а сам переехал с собакой в квартиру брата.

Джессика прыгнула ему на грудь, лизнула. Вот тут нет «но». Все сошлось: преданность, чуткость, понимание, тишина, покой. До утра. До работы. До бега с препятствиями. Они вышли, как и утром, под дождь, который их поджидал у подъезда. И пошли смывать с себя день его борьбы со стенами и столбами, ее день одиночества и тоски по нему.

Темно, мокро, никого нет. А утром из-за этих кустов вышла на дорожку к его подъезду женщина с маленькой пучеглазой собачкой. Он был уже мыслями в делах, он их даже не рассмотрел. То есть собачку рассмотрел лучше, чем женщину. Как их теперь рассмотришь на улице, в этих страшных куртках и брюках «унисекс»? То есть равный, перемешанный пол, то есть без пола, без женщины... Он ее не рассмотрел, но его будто бы качнуло. Поздоровался с совершенно незнакомым человеком. Она ответила милым и нежным голосом. А женщина не хрупкая и не очень юная. Он прошел и не оглянулся, но его руки будто бы почувствовали вдруг ее упругое тело под этим «унисексом». А ведь чего в нем нет, так это озабоченности на ровном месте. И мечтать о поцелуях

под луной он не привык. Что-то нашло. Бывает, наверное. Хотя с ним не бывает. Но надо бы завтра выйти в то же время.

Часть вторая

Враги

Не неволь уходить, разбираться во всем не неволь, потому что не жизнь, а другая какая-то боль приникает к тебе, и уже не слышать, как приходит весна, лишь вершины во тьме непрерывно шумят, словно маятник сна.

Иосиф Бродский

Глава первая

В этой чудной стране

На следующее утро Берта задумалась перед тем, как влезть в свою «собачью» одежду. Обнаружила на куртке пятна и следы вчерашней грязи, которые вечером халтурно пыталась просто стереть водой. Получилось не очень. Вчера бы ее это не взволновало. Но сегодня Берта полезла в шкаф. Господи, сколько там всего такого, о чем она забыла за зиму и вообще. Большинство одежды как-то ни к чему. На работе она в основном в халате, как и положено хорошему воспитателю. Многие вещи она покупала от любви к процессу.

Берта взглянула в окно: ливня, скрывающего несовершенство одежды, больше нет. Сквозь не очень приветливые облака пытается подмигивать нерешительное солнце.

Берта выбрала пушистый серый свитер с аппликацией в виде лисы с рыжим хвостом на груди. Ее воспитанникам такой наряд очень бы понравился. А что подумает незнакомый взрослый мужчина о даме с собачкой с детской лисой на

груди четвертого номера? Заодно узнаем, как ему. При солнце впечатление трудно скрыть. Свитер тепло прильнул к ней, как родной, лиса от движения шевельнула хвостом. Как у золотистого ретривера. Черные, ставшие вдруг тяжелыми, даже на вес, джинсы отправились за вчерашним свитером в бак для грязного белья. Так. К свитеру по цвету подходят стрейчи, но бедра... Но сорок восьмой размер, который уверенно приблизился к пятидесятому. И это на ее щадящий глаз. Подруги, конечно, спросят: «У тебя уже не меньше пятьдесят четвертого?»

Ну, да, мысленно ответила Берта и натянула этот позор. Как сказал однажды муж Коля, к счастью бывший, «порядочная женщина такое не наденет». Берта натянула эти непорядочные джинсы. Но как удобно. И размер вроде терпимый. Наряд завершила безрукавка с капюшоном, который Берта выложила красивым воротником. Это беспроегривно. В отличие от волос. Но тут ничего не поделаешь. Грива так грива. Она взглянула на полку с косметикой. Открыла тушь, провела по ресницам раз. Ничего, кажется, не изменилось, кроме настроения. Настроение стало соответствовать мифическому макияжу. Берта бросила в мусорное ведро давно высохшую, как выяснилось при проверке, тушь, но вышли они с Тусей, как дамы в макияже.

Анатолий проснулся от страха, что он проспал. На работу точно было еще рано. На работу он не проспит ни с перепоя, ни под температурой. Как и на прогулку с Джессикой. Он проспал вчерашнее время встречи с женщиной и пучеглазой каракатицей. Анатолий собирался в авральном порядке. Задумчиво осмотрел свои вполне чистые джинсы, бросил их на пол и достал другие, совсем чистые. Потянулся за черным джемпером – и тоже бросил. Надел голубую и очень дорогую рубашку, которую купил для важных встреч. Провел рукой по щетине, он брился обычно после прогулки с собакой. Нет, выходить в парадной рубашке, да еще бритым – это надо быть полным фраером.

– Мы пойдем так, – сказал он Джессике. – Их уже, наверное, нет. Они вчера пронеслись, как две мокрые тени. Может, их не было на самом деле. Просто что-то почудилось. Унисекс не унисекс, но что-то должно было запомниться. Кроме того, что собственные руки от чего-то сжались и затосковали.

Берта обошла с Тусей площадку в третий раз, к кедам налипла трава, они безнадежно промокли. Берта решила, что зря не надела резиновые сапоги. Погорячилась. В принципе погорячилась.

– Уходим, детка, – сказала она и не узнала свой погасший голос. – У нас сегодня операция. Ты не будешь бояться. Мама с тобой.

И тут они вышли. Даже глазам стало как-то горячо. Она его узнала и без ливня, узнала бы и в черном смерче. А он сегодня в такой небесной рубашке. Наверное, что-то важное на работе. И только сейчас Берта сообразила, что он ее в жизни не узнает, с этой лисой на груди номер четыре, в этих обтягивающих брюках. Зря она не надела куртку, которая все маскировала. Не надо делать резких движений, говорит мама.

А они вдруг оказались рядом.

– Я боялся опоздать, – сказал он. – Я не смог рассмотреть тебя вчера. А ты такая...

– Я? – растерялась Берта.

– Ты. Ты такая, что разрыл бы тебя из сугроба, достал бы с самой крутой вершины. Такая светлая, такая великолепная. Женщина.

– Я Берта, – только и сказала она. – Это как раз и значит: светлая и великолепная. Только я не знала никогда, что так можно сказать обо мне.

– У тебя будет возможность узнать. Я вернусь вечером в девять. Мы с Джессикой будем здесь.

И она пришла вечером в девять одна. Туся дома отходила от наркоза и спала.

Он опять опоздал. Он и утром опоздал на работу, потому что долго без толку прибирался в квартире, пытаюсь придать ей жилой вид. Потом взглянул на часы и помчался к машине. В машине вспомнил, что так и не побрился. День был не бегом с препятствием, а полетом во тьме с летящими навстречу метеоритами, с вымершими от пьянства диспетчерами, приземление – с отвалившимся шасси в чистом поле.

Опять опомнился после того, как было нужно. И поехал по Москве в поисках белых и красных роз. Так ему было нужно. И купил шампанское, большие,

истекающие соком груши. Розы цветочница ему посоветовала взять розовые.

– Они самые красивые. Только что привезли. Вы их побрызгайте дома водой, они будут, как в росе... Перед ее приходом.

И она вдруг подмигнула Анатолию. Неужели у него все на лице?

Домой он мчался, как шальной. Он ведь не взял у Берты телефон. Он не знает, где она живет. Живет ли она здесь вообще. А вдруг сегодня не дождется и уедет завтра куда-то к морю отдыхать. С мужем, с любовником или одна. Ведь она, как и он, может жить здесь в чужой квартире... И он никогда не узнает, у кого.

Анатолий влетел в квартиру, поставил покупки, вывалил корзину роз в ванну с водой, пусть сами покрываются своей росой. Он схватил Джессику, и они полетели на эту площадку. И попадались им на пути только другие люди и вовсе не пучеглазые собаки. Джессика, кажется, тоже встревожилась. Она его так чувствует.

А Берта подошла откуда-то из-за дерева и дотронулась до его локтя. Обожгла.

– Ты смотришь на собак, – сказала она. – А я пришла одна. Туся дома после операции. Я замерзла. Юбку на свидание надела. Кавалер опять опоздал. Но мы, графини, не обидчивые.

– И много вас, графинь? – улыбнулся он, надеясь, что стук сердца не раздастся эхом по округе. Юбка на ней из такого прозрачного шифона. Или он помешался.

– Немало, – серьезно ответила Берта. – Были еще до моей пра- много раз бабушки Берты Альтан, которую привез из Германии прапрадедушка – русский дворянин. Были после. Теперь только я. Уже с примесью железа от прадеда-кузнеца Ивана.

Вот так, в паре фраз рассказала она ему историю своего очень длинного рода. Несчастливого и счастливого рода.

В его квартире плавали и тонули в росе розы, которые вдруг распустились в ванне. Ее юбка была тонкой, но из двух слоев, он запутался в них. Они не стали пить шампанское и есть груши, истекавшие соком. Они задвинули шторы, он отвел Джессику в другую комнату, она зевнула им вслед. Они не дождались ночи. Берта перестала что-то понимать, что-то видеть, утратила способность быть только собой. Это его руки закрыли ее крик, чтобы она сама не испугалась его.

И только потом наступила ночь. И она уже торопила свой крик, а он ловил его губами, руками, собой.

«Что со мной...» – так думала Берта.

«Что же это со мной, черт побери», – думал Анатолий.

И они возвращались к началу.

– Странно то, – сказал он на рассвете, – что после любви каждый зверь печален. Наверное, я не тот зверь. Я не могу тебя отпустить, пока не выпью весь твой сок.

– А я не могу уйти, пока не отдам тебе весь свой сок. Он мне не нужен, вот в чем беда. Я его с собой не унесу...

Но она встала, когда пора было бежать к Тусе: делать уколы, менять повязку, кормить. Только окунулась в холодную воду с розами. Он поднял ее, оцарапал грудь щетиной.

– Как же это хорошо, – сказала она, – что ты так и не побрился с утра. Унесу эти царапины. У меня нежная кожа.

Так сказочно начинался день в их чудной стране...

* * *

Рекс с вечера аккуратно устроился в своем теремке, долго смотрел на месяц, нюхал темноту и запах ее щенка от детского одеяла. Он мечтал. Берта

приходила вечером, она что-то ласковое говорила, Рекс услышал слово «дом». Он так хорошо знал это слово. Он прижался головой к ее коленям и боялся поверить. И верил, что Берта поведет его в их общий дом. Она только попросила: «немного подождать». Он знал и слово «ждать». Ему не трудно. Он опять точно знает, что он красавец, что он – радость. Берта даже ему сказала, что он Джой. Она узнала это, конечно. Он будет ждать, встречать и провожать детей. Так сладко он засыпал.

А потом его позвали. Он не удивился, к нему приходили многие. Дом большой. И все его любили, даже хмурый дворник. Рекс вышел и повил хвостом, таким, как у сибирской лайки Симы. Он не узнал этих людей. Эта большая широкая женщина не была ни Бертой, ни Мариной. Этот высокий худой мужчина с усами не был тем, который его поднимал в щенячестве. Он не был тем, который в него стрелял, тем, который перебил лапу и сказал: «Беги, бобик. Может, тебе повезет». Это были совсем незнакомые люди. И подул от них опасный ветер, и он опять замерз. Надо бы убежать, лапу ему вылечили. Но завтра за ним придет Берта. Его будут искать дети. И он остался. Женщина достала фотоаппарат и нажала кнопку. Это Рекса не удивило. Его многие фотографировали. С ним фотографировались. Вдруг во двор вошли еще два человека. Рекс постарался им повил хвостом, чтобы они не испугались, он же такой большой и черный, как папа-нюфаундленд. Один вдруг вытянул какую-то совсем не толстую палочку, он с такими играет... И что-то с ним случилось. Он как будто поплыл... Не мог ни шевельнуться, ни позвать Берту. Просто расплзся на своих больших и крепких лапах по траве. А женщина все снимала. Она и не подумала ему помочь. Рядом с Рексом положили большую клетку, открыли и четыре руки бросили его туда, как Берта бросает в мусорный бак его испачканное одеяльце, которое пахнет ее человеческим щенком. И его понесли. Повезли. Ему было страшно, тяжело на душе, у него громко и быстро стучало сердце, как будто он бежал, пытался скрыться, а его догоняли враги.

Он еще жил в том темном и глухом лесу, в котором его вытряхнули. Его застывающие карие, как у Берты, глаза еще поймали восходящее солнце, мозг узнал в нем Берту. Но тут страшной судорогой свело лапы, дикой болью пронзило всю его жизнь – короткую жизнь пса по имени Радость. Он улетел из грязной лужи пены, рвоты и собственной мочи. И в остывшие открытые глаза вместо солнца посмотрела белая луна. Это была смерть.

Душу собаки по имени Радость приняло мягкое, грустное облако. Оно нашло для этой прозрачной и тонкой души капли дождя. Оно омыло карие застывшие очи.

Душа вздохнула сразу любовью. Глаза открылись, нашли маленькую и такую далекую землю. Рекс понял, что это земля, потому что на ней была одна ярко светящаяся точка. Она приближалась к его отдохнувшим глазам. Она становилась Бертой. Он видел ее так, как будто она была рядом. Облако пахло ее руками, ее прекрасными волосами, пело ее чудесным голосом. Рядом с Бертой был незнакомый мужчина. Но Рекс не чувствовал от него опасного ветерка. И он понял: Берта нашла своего хозяина! Как он был счастлив за нее, за любимую Берту, ее преданный пес, который не успел войти в ее дом.

Теперь Рекс обживал свой небесный дом. Его встретила новая чудная страна.

Глава вторая

Берта

Ей хватило часа, чтобы выспаться, на ходу увидеть каплю жаркого сна, все вспомнить, не поверить, удивиться, задрожать от того, что вечером он придет к ней. Задрожать и загореться. А день такой яркий, такой счастливый. День первой любви взрослой женщины.

Туся еще спала. Берта тихо вышла из квартиры и поехала на ближайший рынок. Коля был настолько благороден, что оставил ей свою старую «Ниву». Сам купил себе джип «Мерседес». Его дела поправились, как только его повысили в МВД с места стопятнадцатый справа по коридору до собственного кабинета. Берта подумала и не отказалась. Ей нужна машина. Сама теперь неизвестно когда купит. Она купила овощей, фруктов, свежего мяса. Она начнет его понемногу давать Тусе. Она покормит дома Рекса. Зачем ждать неделю? Туся себя чувствует уже нормально. Рекс ей не мешает.

Берта порезала мясо на крупные куски, сбрызнула их яблочным уксусом. А это для него. Для Анатолия. Она умеет хорошо готовить для мужчин, детей и животных. Потом в темпе какого-то вдохновенного танца она что-то убирала, что-то не замечала, чтобы не сбивать настроение. И собиралась. На Рексе есть ошейник, она ему регулярно покупает, но сегодня она придет к нему с новым, самым дорогим, какой найдет в «Бетховене». И с солидным хозяйским поводком. Пусть поводок ему не нужен, он в любой ситуации пойдет с нею у ноги. Но он

обязательно должен быть. Тем более потом они поедут в клинику и поменяют его паспорт с прививкой, но без хозяина, на другой. Теперь у пса по имени Радость будет ее адрес и ее имя-фамилия в паспорте.

– Спасибо, Николая, – послала он с балкона воздушный поцелуй в сторону бывшего мужа. – Спасибо за то, что вовремя свалил. Был бы ты мне сейчас большим камнем поперек дороги. Нам. Всем троим плюс. Туся к тебе все же как-то притерпелась. С мужчинами – Анатолием и Рексом это бы не случилось.

И Берта побежала в «Бетховен», и так выбирала ошейник для Рекса... Как выбирала бы себе подвенечный наряд. И прибежала, сдерживая рвущееся дыхание, в его двор, к его теремку... Там почему-то стояли дети, некоторые плакали. Громко и негромко говорили люди. А Рекса там не было. Его не было...

Берта всех выслушала. И ту женщину, у которой бессонница и которая все видела из окна. Женщина побоялась выйти, потому что они приехали на «Газели», эти люди. Они, наверное, были вооружены. Стреляли, как ловцы, из трубки шприцем. То ли снотворное, то ли отравы. И была пара, ее знали многие. Они живут в соседней высотке. Светлана и Евгений Кидринские.

– Я не знала ваш телефон, – вздохнула женщина. – А в полицию чего звонить? Он тут и так на птичьих правах жил. Может, это полиция и была.

Она тоже плакала.

– Я вам не говорил, – признался дворник-татарин. – Они мне сказали никому не говорить. Но это не на дачи воровали будки, которые вы для него строили. Эти муж и жена приходили их сносить. Рекс такой умный, он уходил прятаться в другой двор, в кусты. А когда вы мне заплатили, чтобы я будку зацементировал, они обозлились.

Берта оказалась дома. Судорожно искала телефоны людей, которые занимаются животными.

– Кидринские – известные всей Москве живодеры, – сказала зоозащитница Таня. – При этом они себя позиционируют как любители животных. Они на этом построили бизнес. Собирают деньги на уничтожение собак якобы в защиту кошек. У них есть сайт «Чудо природы», они покупают полосы в газетах, где

несут свою дикарскую идеологию. Хочешь, дам их телефон? Приходилось объясняться. Обращения в полицию бесполезны.

После еще ряда звонков Берте позвонила незнакомая женщина, представилась Стеллой.

– Вы собираете информацию по поводу Кидринских? Я была их пресс-секретарем. Они свою деятельность начали в один день. И в этот же день наняли меня. Меня и нескольких таджиков, которые им поймали в подвалах тридцать кошек. Я за их деньги привезла съемочную группу кабельного телевидения. Их снимали с этими кошками в обнимку. Так они вписались в ряды зоозащитников. Потом, купив новую квартиру, всех кошек усыпили.

– Кто они вообще?

– Были по факту городскими сумасшедшими. Фактически асоциальны. У Евгения Кидринского даже есть высшее образование, но не работали – ни он, ни она, жили отдельно, каждый в своей однушке. Светлана, кажется, наркоманка, кололась, Евгений собирал и сдавал бутылки и банки на пропитание. Он настолько сумасшедший, что ему нельзя и не нужно ни пить, ни колоться. Всегда в кондиции. Но рассчитал он все верно. Женился на этой депрессивной корове, выбрал себе «врагов» по плечу и стал наваривать деньги. Сейчас они эксперты какого-то городского департамента по защите животных. Лезет в кадр на всех митингах. Судится, когда ему бьют морду и называют убийцей, выигрывает... Платит, подкупает судей. Богатым стал, подонок. Я ушла и даже передала материал разным газетам, он и за мной теперь охотится. Я ему тоже по плечу. У меня тяжелый порок сердца, потому и выбрала себе работу для души, с «добрыми» людьми. Теперь расплачиваюсь. Если со мной что-то случится, Берта... Это они.

Берта позвонила похитителям. Она готовилась, говорила ровно. С женщиной Светланой. Та ответила, что Рекса просто депортировали из Москвы. Что он жив, просто где-то в сельской местности. Но отказалась говорить, где и кто именно вывозил.

Берта все же позвонила в полицию. Участковый сказал с утра принести заявление. Потом она нашла электронный адрес префектуры и написала короткое, но, видимо, понятное письмо. Потому что ей позвонили тем же

вечером, интеллигентный мужчина. Берта не поняла, кто этот человек, но он был взволнован, он обещал разобраться, куда-то что-то направить.

Потом Берта опять звонила этой проклятой Светлане Кидринской. В разговор постоянно врывается мерзкий фальцет ее мужа, он кричал что-то. Берта плакала и умоляла:

– Света, назови любую сумму. Ты получишь ее сейчас. Если мне не хватит, то завтра. Только за место, где выбросили Рекса. Только за телефон этих людей, кто знает. Только за информацию: что это был за препарат. Рекс может быть живым?

– Мне очень жаль, – сказала Светлана. – Все это невозможно. Красивый действительно был пес.

Берта, в пелене слез, поменяла повязку Тусе, на кухне недоуменно посмотрела на сырое приготовленное для жарки мясо. Анатолий... У нее весь день и вечер был занят телефон, он наверняка не дозвонился. И плюнул на всю эту мороку с солнечным ударом под дождем. Он такой твердый, прямолинейный, такой настоящий мужчина без сантиментов и отклонений. Он не поймет. Она не сможет ему объяснить, как бурный восторг первой страсти можно на что-то разменять, потерять, забыть в первый же день... Из-за одной бездомной собаки. Он подумает, что Берта психопатка, истеричка, а не его женщина, как ему показалось под дождем спросонья.

Но тут в дверь позвонили. Берта, измученная, падающая с ног, непричесанная, в халате, бледная и с красными воспаленными глазами, смотрела на Анатолия с такой тоской... Вот он и уйдет. Посмотрит, как выглядит женщина без капель росы, без сока страсти, и уйдет... Он ведь сказал мимоходом, что уходит, когда что-то не так.

– Я устал ждать, когда у тебя освободится телефон. Не начинай ничего рассказывать. Ты не сможешь, мы утонем сейчас в твоих слезах. Ты плакала, наверное, с утра. Тебе даже это идет. Ты такая прекрасная графиня сейчас, а мои розы завяли без тебя. Это они от зависти, они видели тебя без лепестков. В отличие от них ты становишься только еще более красивой. Нестерпимо красивой. Давай все потом, я разберусь, помогу. Поверь, мы все решим.

Берта так удивилась самой себе. Оказывается, в этом кошмаре она не потеряла и не забыла тоску по нему. Просто беда захватила мысли и душу, а руки и рот были заняты телефоном. А теперь все рванулось к нему, как к спасению, как к убежищу, как к началу и завершению...

Глава третья

Анатолий

Когда он бежал ночью по темной траве, по лужам и вновь мокрому асфальту – он допускал все. Он был готов ко всему, наверное, тысячи раз по кругу с девяти вечера.

Он, погуляв с Джессикой на час раньше обычного, сидел и ждал звонка Берты, как они договорились. Ее телефон был занят. Он досидел до мысли, что он занят только для него. Почему он не пошел раньше? Да потому что она должна была позвонить. И только в два часа ночи он признался себе: он, такой храбрый и уверенный, просто боится, что ее дома нет. Или не откроет. И все. И звонить он ей уже не может. Дальше опять тот же круг вариантов. И в центре вывод: он ей нужен был один раз в плане приключения. В постоянную жизнь, да еще на ее территории она передумала его пускать. Это ведь совсем другая история, не просто приключение. Она пришла в себя. Ей кто-то помог прийти в себя...

Он набрал код домофона, позвонил в квартиру. Она открыла. Да, ей кто-то помог. Ей кто-то так помог, что надо срочно спасать. Он не знает, от чего и что придется делать для этого спасения. Но сейчас он может только одно. Утопить ее в себе, утонуть в ней. Анатолий знал жизнь, она так может скрутить, так напасть из-за угла, так подло крадется, так точно целится...

– Отдохни, Берта. Уже ночь. Постой так, спокойно. Я освобожу тебя от этого халата и что там еще на тебе есть. Давай я выпью твои слезы, давай я соберу твою росу, попробую растопить твои беды. А вдруг получится?

Он удивился тому, как хорошо у него получилось, как мгновенно у них получилось уйти в мир своего блаженства. На потолке сияли звезды, в ее глазах

были слезы не от боли, а от того, что они не успевали сгорать до конца страсти, их уже торопила другая раскаленная волна. Он уже привычно поймал ладонью, губами и собой ее крик... Она откинулась, вздохнула. И выдохнула:

– Я люблю.

А потом, опустив ресницы, вдруг застонала от чего-то другого. И шепнула ему на ухо, как великую тайну:

– Я ненавижу. У меня есть враги.

И все рассказала.

Когда Берта спала у него на руке, Анатолий чертил эскиз и выстраивал последовательность своих действий. Строил здание мести. Не для того он столько лет искал свою женщину, чтобы ее горе кому-то сошло с рук. История этой собаки его тоже ранила. Он надеялся, что они найдут этого несчастного Рекса. Но от мысли, что над беспомощным и преданным людям псом так поиздевались, что кто-то использовал свою силу для того, чтобы причинить страдания, боль и страх тем, кто слабее, – от этой мысли Анатолий впадал в ярость, которая требовала выхода. Он тоже ненавидел. А это серьезно, эти существа просто не в курсе.

Они живут неподалеку. Проще всего пойти к ним прямо сейчас. Он вычислит адрес по телефону. Он найдет возможность пробраться в их логово. И... получается, что свернуть две шеи – это проще всего. Но Берте нужен Рекс. И, пока они не найдут его живым или мертвым, эти существа будут думать, что у них все в порядке. Пусть пока расслабятся...

– Я не знаю, как тебя оставить, – сказал он Берте, когда она открыла свои нежные, томные, яркие глаза. – Я должен кое-что решить, кое-что узнать. Я все сделаю, моя графиня. Останься сегодня дома с Тусей, пожалуйста. Не общайся больше с этими уродами. Это не имеет смысла.

– Да, я буду дома, – пообещала Берта. – Я буду тебя ждать, конечно. Мне нужно тебе приготовить вчерашний ужин, я для этого даже ездила на рынок. И ничего не сделала... Только сбегая в полицию, мне сказали написать заявление. Вдруг что-то получится. Кто-то должен заставить их назвать этих людей, которые

увезли Рекса. Я не смогла.

– Напиши. И все. Потом позвони мне и скажи, к кому по поводу твоего заявления обращаться в полиции. Чтобы мы могли контролировать. Я принес тебе ключи от своей квартиры. Тебе придется гулять и с Джессикой, пора привыкать к семейным обязанностям. Храни очаг. Я буду мчаться к тебе. Я каждую минуту мчусь к тебе. Помни об этом, прошу. Ты должна очень себя беречь для меня. Я остался в тебе. Вот такой эгоист, мне это говорят даже партнеры и конкуренты. Сплошные «я» и «для меня».

Анатолий вышел из дома Берты в очаге прощальных поцелуев. Прошел несколько метров, свернул на лужайку, в конце которой его дом, споткнулся о кусок отвалившегося с тротуара бордюра и так ударил его ногой, и так его колотил, что опомнился, когда вокруг лежали обломки, а нога заныла. Он вдруг понял, что его сила, его страстное желание, его ярость и месть не вернут Берте Рекса. Так получилось по поверхностным расчетам. Эта дрянь Кидринская не смогла бы отказаться от большой суммы, если бы пес был жив.

Глава четвертая

Светлана

Берта спала, и ей снилось, что он спит рядом. Утро казалось совсем не страшным. Надежда, словно птенец, разбила тонкую скорлупу и теплым комочком улеглась под грудью, у сердца. Берта открыла глаза, нетерпеливо, сразу широко. Все вспомнила. Но его подушка хранила его запах, кровать хранила запах их любви. Она будет делать все, что он сказал, и ждать.

Берта встала, поухаживала за Тусей, которая уже совсем оправилась от операции и быстро побежала впереди нее к собачьей лужайке. С Джессикой Толя гулял утром. Он гуляет с собакой два раза: утром и вечером. Теперь можно и днем. Пусть Джессика поймет, что с появлением Берты в ее жизни что-то поменялось к лучшему.

Утро было тихим, безлюдным. Собачники не в счет. Это свои. Ее тревога еще не родилась. И вдруг... Все расплылось в глазах Берты – счастье, безумная радость и паника от того, что в мозгу сурово и мрачно кто-то произнес: «Ты ошиблась. С ума сходишь. Этого не может быть». Но ей навстречу бежал Рекс!

Ньюфаундленд с хвостом сибирской лайки. Такого второго пса не может быть. И он смотрел на нее с противоположной стороны дороги! Он убежал, он выжил, он вернулся. Такой разумный пес не мог не вернуться, если он выжил. Берта сначала шепнула: «Рекс», потом позвала негромко, нерешительно, чтобы не спугнуть свою радость: «Джой». Он на секунду остановился, от счастья переступил, как лошадка, своими прекрасными лапами. Но...

– Ко мне! Рядом! – громом прогремел грубый мужской голос.

И пес по имени Радость вспомнил, что у него совсем другое имя. Что у него есть вот этот грубый и жестокий хозяин. Он опустил хвост, который оказался обычным хвостом ньюфа, и поплелся у мерзкой, такой ненавистной Берте ноги. А хозяин все равно размахнулся рукой, как плетью, и ударил его по прекрасной, черной, лохматой, несчастной голове. Берта, застыв, смотрела им вслед. Она бы все отдала, чтобы стать сейчас Анатолием, который, конечно, сильнее этого типа. Она бы сжала, как Анатолий, крепкие и безошибочные кулаки, она бы сбила с ног человека, ударившего радость. Она бы била его тяжелой ногой за то, что кто-то, возможно, сейчас убивает ее ненаглядного Рекса, который не успел побыть ее хозяйским Джоом. И она сжала свои кулаки. Свои маленькие и бесполезные кулачки. Она ни на что не способна такими руками. Может поднять сумку с едой для детей, для мужчины, для собаки. Может носить детские горшки, с удовольствием выполняя обязанности нянечки, и баюкать воспитанников младшей группы. Может поднять свою Тусю. Понесла бы за много километров раненого или усталого Рекса, если бы нашла... Если бы нашла. И больше ничего она не может. Берта разжала ладони, поднесла к лицу. Проверила, сохранилась ли в них любовь. Берегут ли они ее ночь. Да. Это да.

Они вернулись домой. Как быстро дом привыкает к хозяину. Он просто скулил без своего мужчины. Берта помыла и покормила Тусю, написала заявление в полицию, распечатала в нескольких экземплярах, сложила в пластиковую папку. Но до открытия опорного пункта еще минимум два часа. И Берта пошла, как будто ее повели на поводке, к дому, где живут Светлана и Евгений Кидринские. Постояла у подъезда, пока из него не вышел первый человек, сказала ему «спасибо» и вошла. Кидринские жили на первом этаже. Здесь же Светлана оборудовала «операционную». Соседи рассказали, что именно здесь она

стерилизует кошек. Разрежет, а укол наркоза в свою вену. Ее знали как наркоманку задолго до того, как она объявила себя «зоозащитницей».

Берта звонила. Они там были. Они это слышали. Видели ее, разумеется, в глазок. Ее слух обострился настолько, что и она, как в колодце с эхом, слышала шарканье ног в комнатных тапках, их шепот, их сопение, их нечистое дыхание. Ей не открыли. Конечно, они ей не открыли, эти грязные, подлые трусы! Раз они следили за Рексом, охотились за его будками, значит, видели и БERTУ, которая приходила к Рексу несколько раз в день, эти будки ставила.

Она поплелась к опорному пункту, посмотрела на часы работы и бессильно опустилась на скамейку у подъезда. Застыла. Главное, поговорить, как адекватный человек. Не заплакать. Все объяснить. Менты – они не самые чувствительные люди, мягко говоря. И взяточники через одного. Кидринские платят. Берта тоже заплатила бы. Но она не знает, как это сделать. Да, Анатолий обещал что-то придумать.

Светлана опустила глазок и сказала:

– Ушла. До чего настырная курица. К гадалке ходить не надо, ясно, что сейчас пойдет в опорный пункт, наверняка настрочила кучу телег! Этот, из префектуры, сказал же, что они по ее обращению инициируют расследование. А новый участковый – стремный тип. Когда он меня вызывал по заяве этой шизы Ольги, он мне не понравился. Это не Курочкин, с которым даже договариваться не нужно. Схватывает на лету. Кому пришло в голову назначить этого Петрова начальником участковых?!

– Какая разница, – отозвался своим фальцетом Евгений. – Кто он и кто мы? Для нашего дела все на пользу. Я придумал такой ход конем! Сейчас напишу всю эту историю. В подробностях, как мы очищали город от этой паршивой собаки. Это будет наш разворот в «Новостях мира», выложим на сайте видео и фото, заодно запись разговоров с этой сумасшедшей. К вечеру утонем в аплодисментах и благодарностях. Газета ляжет куда надо. Мочалкин позовет в передачу. А это настоящая трибуна.

Светлана кивнула и скользнула взглядом по худым длинным ногам мужа, торчащим из растянутых трусов. Белых с желтым пятном. Она ему стирать не

нанималась! И так нашел себе бесплатную рабочую силу. Круглосуточную. Она отчетливо его видела сейчас без обычной наркотической приподнятости, которая помогает Светлане существовать с ним рядом. И понимать свою зависимость во всем. Он объявляет их двоих разными обществами, благотворительными фондами, себя везде называет генеральным директором или председателем. Все реквизиты для сборов – его. Счет на его имя. А комнаты у них разные. Когда он на ней женился, они пару раз переспали. Это все, на что его хватило. Он кончает от другого. Деньги. Кровь. Вой еще живых собак в завязанных мешках, когда их добивают палками. Судороги, рвота и моча после детилина. Это и есть чувственный мир ее мужа Жени. Когда он на нее натывается в квартире, то вздрагивает. Она ему противна. Этому во всех отношениях недоделанному немужику. А она... Она еще не старая, здоровая баба тухнет рядом с ним и прокисает от отвращения и... возжеления. Куда же деваться.

Светлана резко развернулась всем своим пятьдесят шестым размером, сдвинула его тяжелым, как плита, окаменевшим от семейного счастья бедром. И пошла досыпать.

Глава пятая

Евгений

Евгений, близоруко моргая, смотрел вслед жене.

«Здоровая, довольно молодая, вроде бы чистоплотная женщина, если не считать, что мои вещи не стирает. Сегодня ночью чуть было к ней не пришел. Хотя бы снять возбуждение от того, что нам предстоит. А предстоит фактически слава. Но этот барьер... Этот барьер, которым является ее запах. Странно, но это трупный запах».

Евгений даже как-то сходил к сексопатологу. Тот выслушал, осмотрел, послал на обследование, вынес вердикт:

– По моей части отклонений не вижу. У вас есть потенция, могут быть дети. В принципе мы работаем с парами, когда у них возникают проблемы. Но в данном случае вам нужно начинать с другого специалиста. Сходите к психиатру. Трупный запах и прочие детали – это по его части. На мой взгляд, это пограничное состояние. Повторюсь, это не моя компетенция. Но грань переходят один раз. И состояние по ту сторону может стать стабильным.

Ничего более страшного этот специалист чужого грязного белья сказать Евгению не мог. Не хватало еще, чтобы он добровольно им отдал свою скрытую и открытую жизнь, свою редкую индивидуальность, которую он берег для особого случая, свое пограничное состояние, которое его самого более чем устраивает. Все гении за пределами их норм.

Евгений окончил МИФИ, был неплохим студентом, распределился. Но работать не смог. Его давили и убивали мозг бесстрастные и безгласные цифры, ему не был интересен результат. Даже деньги не так его занимали. Ему так мало нужно на самом деле. Он должен был додумать свою мысль. А на хлеб и молоко можно сдать бутылки, можно, в конце концов, что-то украсть в магазине.

Он додумал свою мысль, когда вечером бродил в сквере в поисках бутылок, банок из-под пива или забытых объедков чьих-то застолий на скамейках. Он увидел, как группа парней тащила девушку. Стоял и наблюдал, как ее насилуют, слушал, как она кричит. Потом насильники над ней смеялись, издевались, рвали на куски ее одежду. Домой она поплелась голый. Евгений ее знал. Она была несовершеннолетняя. И навсегда теперь останется раздавленной и униженной. В тот момент он вдруг подумал, что хотел бы досмотреть и другой конец. Он бы посмотрел, как ее убивают. Вот это был бы результат.

Сейчас, когда многие считают его уважаемым и авторитетным человеком, он умеет излагать глубоко и аргументированно свою идеологию, он по ночам иногда громко хохочет, читая эту бесконечную глупость, которую бесконечно же повторяют «умные» криминалисты, психиатры и зоозащитницы – полуграмотные психопаты: «Все убийцы людей начинали с животных». Ах, какое открытие. Для того чтобы его сделать, не нужно вставать с горшка детского сада. Нужно просто знать, что вся наука приходит к результатам путем опытов на животных, в том числе на собаках. Их жизнь и смерть – есть наука Евгения. А так, пусть бы себе жили. Если бы не было его. Если бы он не нашел так легко единомышленников, спонсоров и вот эту союзницу с ее трупным запахом. Ее запах – то ли ее суть, то ли его подсознание. Неплохой запах. Но не настолько,

чтобы лечь с ней в постель. Он хозяин жизни, а не больной некрофил.

Часть третья

Паутина

Глава первая

«Приют Инессы»

Ждать пришлось довольно долго, но вместо знакомого Берте участкового, плутоватого, пузатого Степы Курочкина, появился красивый и стройный парень, немного похожий на Анатолия. И голос приятный, и внимательный взгляд.

– Вы не ко мне? Я – ваш участковый. Вадим Петров.

– Значит, к вам. Я – Берта Иванова. Но я думала, у нас Степа...

– И Степа у вас. Я вроде как его начальник. Недавно работаю.

Он очень серьезно читал ее заявление, которое ей самой уже казалось сумбурным и невнятным. Как ее плач. Но Вадим все понял, лишь задал несколько уточняющих вопросов.

– Я видел этого пса, – сказал он. – Наше окно выходит на этот двор. Я и вас там видел. Действительно пес – красавец. И парочка эта – Кидринские мне знакомы как облупленные. Нечистые, липкие люди. Все собираюсь схватить за руку. Вот и настоящий повод. Берта, я открою дело. Уголовное или административное – это как получится по материалу. Они – не та организация, которая имеет право нанимать ловцов, практически с оружием. Приводить их в жилой двор, где столько детей. Да и над собакой чинить расправу у них нет прав. Даже в их мутных уставах такого не найти. Это точно. Я искал.

– Спасибо. Можно вам звонить? Я надеюсь успеть. Найти Рекса.

– Я вам сам позвоню.

– Вы разрешите дать ваш телефон моему другу? Его зовут Анатолий. Вы и его участковый, получается. Он здесь живет. Он хочет мне помочь.

– Да, конечно. Интересное у вас имя. Берта, да еще Иванова.

– Все удивляются. Я Иванова по линии прадеда. А Берта – по женской линии. От графини Берты Альтан.

– Хорошо начинается утро, – улыбнулся Вадим. – Первый посетитель – и сразу графиня.

Берта пришла домой, пытаюсь не мечтать о благополучном исходе раньше времени, потом слишком больно разочаровываться. Стала заниматься хозяйством, чтобы легче было ждать. Мясо для Анатолия осталось только сунуть в духовку. И тут позвонила зоозащитница Таня.

– Берта, – своим немного медлительным и теплым голосом сказала она. – Ничего нового насчет Рекса?

– Нет, – почему-то сразу насторожилась Берта. Таня не из тех, кто звонит спросить, как в общем дела. Она звонит только по делу.

– Я сейчас еду в одно место... Ты, наверное, читала или слышала по телевизору, что происходит у «Приюта Инессы»?

– Нет. Я даже не знаю, что это за приют.

– Если в двух словах, это ад. Но рассказывать подробно сейчас некогда. Короче, этот приют уже третьи сутки штурмом берут люди. И только сейчас разрешили войти и забрать животных, оставшихся в живых. Это в Подмосковье, не очень далеко. Если хочешь... Там может быть Рекс. Владелица Инесса выигрывает все гранты на отловы. Она на каждое новое животное получает деньги. Большие. На

их убийства еще большие деньги. Стоимость наркотических препаратов на гуманное усыпление. А дальше... Можем увидеть. Я к тому, что Кидринские вряд ли что-то делают бескорыстно. Это объясняет, почему Светка отказалась взять деньги у тебя. Она их уже получила. Инесса платит за поставку животных. Но я тороплюсь.

– Я с тобой.

Таня ждала в машине у ее подъезда. То, что она рассказывала... То, что Берта услышала... Это не может уложиться в человеческом мозгу! И представить это никак невозможно, не то что увидеть. Но Берта знает: она должна там быть. Для храбрости она вызвала в памяти лицо Анатолия, родное и отважное. Лицо Вадима, серьезного и все понимающего. Она им оттуда позвонит. А вдруг с хорошей вестью.

И Берта вошла в ворота ада. Шла среди людей, которых запускали партиями, как в ад или в концлагерь, и они сосредоточенно шли, как собаки, на запах. На трупный запах. Берта смотрела, как эти люди, которые простояли у ворот много часов, некоторые несколько дней – без сна и отдыха, – надевали резиновые перчатки, вытаскивали огромные черные мешки и по звуку, по тихому стону, отыскивали еще живых животных среди разложившихся заживо тел.

– Вот так здесь убивают собак, – кивнула Таня. – Живыми в мешок вместе с мертвыми. Такое у Инессы дорогое и гуманное усыпление.

Берта смотрела, как этих живых выводят, выносят, как их укладывают в простые машины и в очень дорогие автомобили. Охрана, люди в форме, похожей на фашистскую, у всех, кто забирает животных, проверяет документы и заставляет подписывать договор! Договор с убийцами.

Рекса среди живых не было. Берта смотрела до конца. Пока не увели последнюю собаку, не вынесли последнего котика, не похожего на кота вообще.

– Ничего? – спросила Таня, держа в руках две переноски с двумя гноящимися комочками, которые все же подавали признаки жизни. Это были кошечки.

– Мешки, – мертвой рукой показала Берта.

– Там вряд ли. Мало времени прошло. Их в мешки отправляют живыми. Несколько дней они живут. Ну, что же, по плану у нас следующий приют той же Инессы. Будем искать. Познакомься, это журналистка, зовут Виолетта. Расскажи ей о Рексе, о Кидринских. Она их давняя «подруга».

Берта, как во сне, посмотрела на девушку с красивым и скорбным лицом, которая держала в руках видеокамеру и все снимала. Девушка кивнула ей.

– Таня вам сбросит мой телефон. Звоните.

Люди уходили, уносили мешки, уводили узников пушистого лагеря смерти. Прятались от объективов камер телевидения работники и охрана. Какой-то хорошо одетый и статный мужчина втапывал ногами в грязь подобие человека, кричал:

– Ты пришел поучаствовать в спасении, подонок Сизов? Вот сейчас ты и пробулькаешь в этом болоте! Где моя Индиго, которую ты украл?

Таня сжала локоть Берты:

– Видишь этого человека, которого бьет хозяин украденной собаки? Это Сизов. На совести этого мерзавца сотни только хозяйских собак. Бездомных он поставляет тысячами. У него собственный дом и дорогая машина. Отдыхает в Майами. Приехал из глухой деревни делать карьеру в Москве. Не проработал ни одного дня. Еще и пособие получает по безработице.

А у забора сидела на корточках и горько плакала молодая женщина-мигрантка. Берта подошла к ней:

– Что вы здесь делаете?

– Работаю, – ответила она, подняв на Берту черные очи-раны. – Меня выслали в Таджикистан после того, как убили ребенка, Умара. Я там не смогла. Вернулась, устроилась сюда на работу. Мне показалось, что меня обманули, что мой сын жив. Я его ищу. Мне дали трупик, он совсем не похож на Умара. Муж говорит, это он, а я не верю. Перестала верить. Но мы похоронили того мальчика. Я вернулась за своим. Я устроилась на работу с животными, а тут такое... Это я

позвонила в газету, журналистке Виолетте. Теперь меня уволят. А может, убьют. Как этих собак, в мешке. Инесса – страшная женщина.

– Тебя зовут Зарина? – в ужасе спросила Берта.

Она, конечно, помнила ту нашумевшую историю, когда у пары таджиков полицейские, вернее, оборотни в погонах, изъяли младенца из-за того, что им вовремя не заплатили дань. Как этого младенца убили, выдали матери неузнаваемый труп, выслали с ним на родину. А Зарина с мужем приехали в Москву лечиться, чтобы родить этого малыша. Это было в Волгограде. Писали все газеты, были передачи по мировым каналам. Умарали Асламов звали мальчика... Мать выслали на родину. Как может быть, что она оказалась здесь?

Берте показалось, что женщина прошептала: «Да, Зарина». У нее был мобильный телефон, и Берта оставила ей свой номер, взяла ее.

Такой была эта экскурсия. Таня ждала ее в машине. Когда Берта вышла у своего подъезда, она не знала, день это или ночь. Хотелось бы, чтобы была ночь.

Берта в тоске, в какой-то совсем безумной надежде, смотрела на Анатолия, который стоял, прислонившись к стене у ее подъезда, и придерживал ногой корзину розовых роз. Наверное, как обычно, с каплями на лепестках – в росе. Только когда он подошел, Берта почувствовала, какой страшный запах привезла на себе из «Приюта Инессы». С этим запахом нельзя войти в жилой дом. В квартиру, где почти готов ужин для любимого мужчины. С этим запахом, который никогда уже не отстанет, невозможно прильнуть к его рукам, невозможно спастись. Но... вдруг? Вдруг он что-то узнал? Вдруг он нашел и привел уже в ее квартиру Рекса...

– Я приехал раньше, – сказал Анатолий. – Мы всем офисом смотрели по телевизору этот кошмар с приютом. Мне показалось, что там мелькнула ты. Значит, не показалось. Берта, ты еле стоишь. Хочешь, отнесу на руках? Только ничего пока не рассказывай. Я – тоже потом. Надо добраться домой. Там Туся, ты не забыла? Я с Джессикой уже погулял.

– Я дойду, – постаралась улыбнуться Берта. Сначала постаралась, а потом улыбнулась от радости встречи, которую осознала только сейчас. – Ты должен

нести свою корзину. Мы же не оставим цветы здесь? Ни за что!

– Как скажешь, графиня, – ответил Анатолий.

Запах смерти сдался, слился, убежал. Исчез с последним всхлипом от его живых, пахнувших любовью рук. И розы опять мокли и плавали в ванной у ног розовой Берты. Анатолий не дал ей вытереться. Он выпил ее росу. И они долго-долго ничего не говорили. Потому что они не умолкали. Потому что он задавал вопрос, но это был не голос, а поцелуй, она отвечала, но это был не плач, а стон любви...

Они вернулись к розам. Берта вновь встала босыми, горячими ногами в этот пруд, в этот райский пруд. Анатолий держал ее так, чтобы она не упала, чтобы она стоя выслушала то, что он узнал.

– Я звонил сегодня Вадиму. Отличный мужик, сказал, что ты красавица. Пообещал, что он посадит этих Кидринских. Он вытряс из них контакты людей, которые приезжали как ловцы. Они не имели права. Они так подрабатывают. Это транспортное предприятие. Мы нашли этих людей, которые получают у Кидринских дитилин для убийства животных и плату за работу, заставили их отвезти нас на то место, где они его выбросили. Берта, Рекса здесь нет. Ему никогда не будет больно. Мы его похоронили там, под березой. Я разбил себе косточки о скулы этих отморозков. Вадим меня охранял. Но Рексу не больно, моя дорогая. Его нет в этих мешках, в этих приютах. Он теперь есть только там, в своей чудной стране.

И Берта плакала на коленях, среди роз, в своей чудной стране. Она прощалась с псом по имени Радость. Ей помог ступить на землю ее мужчина. Он сказал:

– Заплатят все.

Это было его признанием в любви.

Глава вторая

Виолетта

Вета перестала называть себя журналисткой. Она перестала гордиться своей профессией. Она перестала ей верить. А она была истинной журналисткой. Ей нужна не болтовня, не подтасовки, не платный дорогой заказ. Ей нужен только результат. Во имя результата она готова – да, она, как в старой песне, готова трое суток шагать и не спать... И не трое, а сколько угодно. И не спать, и не жить, пока все не встанет на свои места. Как должно быть. А так не получается. Никогда не получается! Потому что этого хочет только Виолетта. Женщина с нежным лицом и тонкой, хрупкой фигуркой. Сейчас столько людей, которым легко ее остановить, которым нужно ее остановить, как уже остановили других, тех, у кого слишком нежное лицо и хрупкие фигуры.

Мокли русые волосы в стынувшей темной крови женщины с нежным лицом. Чьи-то фигуры разлетались вместе с обломками автомобилей и вертолетов.

И был ли у них результат? Может, и был. По проложенной тропе правды идет новая жертва хозяев лжи. А раз она идет, пока она идет, эта тропа не остывает. Она живая, тропа.

Виолетта ушла с государственного телевидения, перестала печататься в государственных газетах и работала в последние годы в частном холдинге – газета и телеканал. Они занимали часть помещений «Останкино».

Виолетта сегодня охрипла от репортажей в эфире, от интервью, от телефонных звонков тех, кто не нашел своих животных в «Приюте Инессы». Она сбила пальцы от обращений, петиций адресатам, которым было на все наплевать. Покровителям Инессы, в той или иной степени. Она смотрела свои страшные, невыносимые ролики и фотографии. Она не плакала, она смотрела, как палач, которому предстоит казнить зло. Это просто работа. Ее кто-то должен делать. Ее казнь – это презрение и гнев, которыми она должна заразить всех, кто не ослеп и не оглох, у кого не перестали биться сердца. Тоже трудная работа. Ведь вокруг ходит столько живых мертвецов...

Для того чтобы восстановить голос и погнать кровь в онемевшие пальцы, Виолетта вскипятила молоко, насыпала в него все, что стояло на столе. Чай, кофе, сахар, корицу, ваниль... Ее крови так мало нужно, чтобы вновь закипеть, чтобы послать сигналы мозгу, пальцам, ногам.

Пока не закончился рабочий день, нужно успеть позвонить всем, кто с ней занимается безнадежным, на взгляд коллег и юристов, делом.

На самом деле там все очевидно и проще пареной репы для правосудия. Просто это не то правосудие. Это НЕ правосудие. Это услуга человека, с которым борется тонкая и хрупкая Виолетта. Она никого уже не спасет. Она борется за порядок вещей. За восстановление разрушенного порядка вещей.

Виолетта нашла в очередной раз криминальную хронику за то число. Самое короткое и самое чудовищное, нелепое, циничное и подлое сообщение дня. От него просто несет наглостью и тупостью того, который диктовал, тех, которые исполняли. Романа Червонского, большого начальника в системе – спрут под общим названием «коммунальное хозяйство». Такое безобидное название.

Вот это сообщение: «Сокращенная чиновница ЖКХ совершила (цензура) и повесила семилетнюю дочь из-за безденежья. Трупы матери и дочери отвезли в морг».

Так стыдливо и в лоб преступники уходят от статьи УК сто десять: «Доведение до самоубийства» – срок от трех до пяти лет. Нет слова, нет самоубийства, нет статьи, суды не принимают иск общественного обвинителя, представляющего интересы газеты, в которой работает Вета. Через день – сообщение о том, что уголовное дело об убийстве несовершеннолетней девочки возбуждено против покойной матери. Нормальные мозги никогда такого не придумают, они даже такое не примут. Уголовное дело против покойницы! Но речь не о мозгах в принципе. Речь о криминале без конца и края. О той его разновидности, которая страшнее грабежа и насилия на большой дороге. Это даже несравнимо. Это рулят «хозяева жизни».

А дело было так. Две структуры Червонского, утратив всякую осторожность, попались на воровстве века. Скандал не получилось замять. И его просто замазали, уничтожили вместе с людьми. Вместе с рядовыми, живущими на обычную зарплату, людьми.

Занимаясь этой историей, Виолетта как раз и узнала, что в жуткой системе, в которой на первый взгляд и нет светлого пятна, работают простые трудовые люди. Не воруют, не берут взятку, не платят откатов. Благодаря им Москва еще не сгнила под подошвами «хозяев жизни». Она еще сохраняет местами очень

достойный вид. Благодаря им есть еще деревья и трава между несчастными, неухоженными домами. Благодаря им в нормальных домах могут жить нормальные люди, а не только «элита» с чудовищными архитектурными пристрастиями, почему-то выражающимися в фаллических символах. Темное, недоразвитое подсознание. Это все делают руки так называемых «бюджетников», живущих на зарплату. И ими же затыкают бреши таких вот скандалов. Назначают жертвами. И простые рабочие люди, часто профессионалы, идут под нож. Мгновенно, без выходного пособия. Как Алла Николаева, которая так хорошо работала, что не подумала о черном дне. О том, что она с ее знаниями и опытом станет для всех меченой преступницей, хотя ее ни в чем никому не удалось обвинить. Да это и не требовалось. Ничего, что связано с какими-то документами, не требовалось, это слишком далеко бы завело. Просто меры приняты, структуры расформированы, такие-то «виновные» уволены.

Аллу с ее высшим образованием и профессиональным опытом никуда не брали на работу, даже в дворники. Всюду раскинулись щупальца гигантского спрута-системы. Деньги кончились через пару месяцев. Она не гнушалась никакой работы: клеила объявления о мытье окон, уборке, выгуле собак. Но люди узнавали ее фамилию. «Эта та, которая ворует». Дочке не в чем было ходить в школу. Она выросла из своих вещей. Им нечего было есть. Были дальние родственники, перед которыми Алла стояла на коленях, чтобы они взяли девочку на время, пока она справится с ситуацией. Те отказались. Сами нуждаемся: в отпуск в этом году не поедem. Алла пыталась продать дачу, оставшуюся после мамы. Маленький бревенчатый дом, который простоял в небольшой деревне не меньше ста лет. Но его подожгли. Алла чувствовала, что ей дышат в спину. Ее ребенку дышат в спину. Если кто-то вернется к тому делу, то могут вспомнить о ней. Она многое может рассказать.

От недоедания, постоянного напряжения и страха и мать, и дочь стали болеть. У Виолетты есть в папке этого дела их медицинские документы. Девочке поставили диагноз «истощение», Алле «туберкулез» с вопросительным знаком. Выписали дорогие лекарства, которые Алла не могла купить.

А однажды Алла, в очередной раз читая объявления о разовой работе на стенде во дворе, увидела свою дочь у мусорного бака. Девочка выбирала из выброшенного пакета куриные кости и пыталась их грызть... Вечером Алле позвонили из опеки, сообщили, что они готовят иск для суда о лишении ее родительских прав. Ее дочку собирались отдать в детский дом. Она ее плохо

содержит, оказывается. Ох, как хорошо Алла знала, что такое детский дом. Она как раз занималась их ремонтами, когда работала. Бывала постоянно, видела условия, в которых содержатся дети.

Это все Алла Николаева написала в письме в редакцию, которое прочитала в электронных обращениях Виолетта. И сразу бросилась по адресу. Но оттуда уже выносили тела. Женщины – матери, которая не отдала свою дочь «хозяевам жизни». И девочки, которая не станет ни сиротой, ни нищенкой, ни жертвой. Их похоронили трусливо и подло, как убивали. На следующий день. И чья-то охрана не пропускала прессу и посторонних.

Виолетта набрала номер своей надежды. Это Боря Георгиевский, прокурор, он ей всегда помогает. Он принял это дело: редакция против Червонского, у них уже много материала, доказывающего причастность этого руководителя структуры к доведению до самоубийства и детоубийства. Боря обещал, что суд теперь не сможет завернуть этот иск...

– Георгиевский больше у нас не работает, – ответил незнакомый голос по телефону Бори. – Ушел по собственному желанию.

Виолетта расплакалась. Они обложили не только Аллу Николаеву. Где теперь искать Борю? Она не взяла его мобильного телефона. Не знает его адреса. У него нет ее номера. Они же перезванивались по делу каждый день. Он звонил ей в редакцию. А она три дня занималась «Приютом Инессы». Дежурила у ворот этого ада.

А Боря Георгиевский... Она вспомнила, как позвонила в Генпрокуратуру в первый раз по одному такому же страшному делу. Он пригласил ее приехать и привезти материалы. Виолетта стояла в холле, и он к ней вышел. Такой молодой, такой серьезный и мягкий, интеллигентный. Меньше всего ему подходило слово «прокурор». Тогда они победили. И побеждали еще не раз.

И Виолетта не расшифровывала стук своего сердца, когда он звонил по делу. А ведь оно стучало не так, как всегда. И он... Боже, он приехал в Москву из Сибири. Его вызвал сослуживец отца-прокурора. За эти три дня он мог вернуться в родные края. Подальше от этих запретных меток, загонов, за которыми нет закона. Подальше от кровавых звезд криминала. Не все под силу прокурорам, если они сами по себе.

И тут позвонил мобильный телефон.

– Виолетта, ты где? – спросил мягкий и спокойный голос Бори. – Я звонил тебе в редакцию. Пришлось узнавать твой мобильный телефон.

Ничего? Тебе удобно говорить?

Как мало нужно для того, чтобы рассеялись грозовые тучи и ночные страхи белым днем, для того, чтобы вновь легко задышалось.

Затем Виолетте позвонила Берта Иванова, эта растерянная, несчастная женщина, с которой они познакомились в «Приюте Инессы». Она там искала своего пса и не нашла. Позвонила, чтобы сказать, что пса нашли мертвым в лесу. Эти Кидринские не жалеют своих денег, чтобы убивать. Или Инессе не пригодилась их жертва. Она была занята. А психи оказались не в курсе.

– Мне очень жаль, Берта.

– Мы будем бороться, – сказала Берта. – Я, правда, никогда и ни с кем не боролась. Не знаю как.

– Я знаю как, – заверила Виолетта. – Это тоже не особенно помогает. Но я с вами. Встретимся обязательно.

– Я хотела еще спросить. Там работница-таджичка. Она сказала, что это после ее звонка вы туда приехали, и все это началось со штурмом приюта. Как же она там осталась? Это же убийцы. Виолетта, это та самая Зарина, у которой убили в полиции малыша?

– Нет, это не Зарина, у той убили в Волгограде. Эту женщину зовут Амина, что значит «поминальная», такое роковое имя. С ней произошла такая же история в Москве. Просто не все подобные истории попадают в хроники происшествий. И в СМИ. Тут вообще ничего не удалось поделаться, мы не смогли бороться. Собственно, в Волгограде тоже никто не пробил оборону правоохранителей-убийц. А вы читали, какой был резонанс. Сотни тысяч подписей под петициями. Подписывал весь мир. Но мы с Аминой на связи. Я решала вопрос с ее работой и квартирой сегодня. Сейчас позвоню, может, сегодня и поеду, заберу ее. Она

знает, что я за ней еду. Должна собраться.

– Она могла бы пожить и у меня. У моего друга есть квартира. Но мы собираемся съехаться. И я вот о чем подумала. В роддоме, где я рожала, были отказники. Если, к примеру, Амину прописать где-то, может, ей разрешили бы усыновить ребенка? Если действительно нет надежды найти ее сына?

– Надежды нет. Убит точно ее мальчик. Я могла бы затеять дело об эксгумации, экспертизе, тем более что с завтрашнего дня сотрудничаю с новым частным агентством «Скорая юридическая помощь». Но Амине не нужно подтверждения смерти. Она ищет живого. Насчет регистрации думать нужно однозначно. Спасибо за совет и предложение помощи. С усыновлением – очень тяжело. Московские власти решили – не отдавать наших сирот даже иногородним. А она – иностранка. Но, как говорят некоторые оптимисты, нет безвыходных ситуаций. До связи.

Виолетта собиралась позвонить Амине, в ее доме как раз освободилась квартира, которую снимали съехавшие дворники. Но тут раздался звонок от мамы. Мама после инсульта. Ей стало хуже, она вызывала «Скорую», но приехать отказались, посоветовали не вставать и вызвать лечащего врача. Нужно ехать к ней, покупать лекарства, продукты. Прежде чем выйти, Виолетта позвонила Амине, пообещала, что заедет за ней завтра утром.

– Все в порядке у тебя?

– Да, все хорошо.

– Ты закройся изнутри на крючок и ложись спать.

– Да, я хочу спать, – сказала Амина.

Глава третья

Вечер Берты

Вечером Берта приготовила наконец ужин для Анатолия. А дальше – что? Надо ждать, надо помнить о том, что случилось, наткаться на углы, видеть, как оттуда смотрят лица врагов и доверчивые преданные глаза Рекса. Его нет! Плакать в одиночестве – это такая тоска, это такая безысходная боль. Бесполезная боль. А в квартире Анатолия тоскует по хозяину Джессика, молча плачет одна. Какая глупость, что Берта после прогулок отводит ее обратно в пустую квартиру. Им нужно всем держаться вместе, чтобы не было пауз для одиночества и тоски. А из новых мисок, купленных для Рекса, кто-то должен есть. Она быстро собрала Тусю, зашли за Джессикой и вместе пошли на собачью площадку.

Берта их увидела издалека. Того самого пса, которого она приняла за Рекса, и его жестокого, ненавистного ей хозяина. Высокий мужик с усами, увидев их, взял своего красавца на поводок. Берта направилась к ним, ее собачьи девки, разумеется, без поводков. Они умные и ласковые. Джессика рванулась со всей любовью к черному пушистому собачьему ковбою. И он рванулся к ней, как к девушке своей собачьей мечты. Хозяин ослабил поводок... И этот паршивец с рыком опрокинул Джессику. Не укусил, просто смотрел, что получилось из его хулиганства. Джессика какое-то время не могла в это поверить. Она лежала на спине и тонко рыдала.

– Ну, ты дурилка, – хлопнул пса пальцем по носу хозяин. – Не видишь, что это девочка?

«Не хочу видеть, – блеснул карим взглядом агрессор. – Такая я бандитская морда».

Хозяин протянул руку к его лохматой голове, Берта сделала шаг, чтобы эту руку удержать от удара, а суровый мужик вдруг с нежностью потрепал своего пса:

– Ну, какой же ты дурень, Джой.

Джой. Тут все и расплылось в слезах Берты. Сквозь слезы она увидела, что Джой никакой не ньюф, он черная лохматая овчарка. Красивый, нахальный, озорной и добрый.

– Что-то случилось? – встревоженно спросил у Берты его хозяин.

И Берта все рассказала. Рекс, «Приют Инессы», Амина. Борьба, которую она обещала журналистке и памяти Рекса. А какая борьба? Она дождевых червей осторожно обходит, чтобы не наступить.

– Положим, червей и я обхожу, – сказал мужик. – Они мне ничего плохого не сделали. И как борются с такой паутиной, я тоже не знаю. Я – простой работяга. Могу только одно. Ты скажи мне, кого размазать по стенке, вот с этим я справлюсь. Я строитель. Позови меня, если что, добро? Запиши телефон. Меня зовут Петр. Я прибегу.

– А я Берта, – улыбнулась ослабевшими губами она.

– Ух ты, – ответил Петр. – У нас соседка Берта. Собака, извиняюсь, конечно. Но это очень красивое имя. Я знаю пса по имени Петя. Мы здороваемся, как тезки.

И Берта рассмеялась в этот тяжелый для нее вечер.

Они вернулись в ее квартиру втроем. Джессика уверенно вошла и попила из миски Рекса. Если Коля, бывший муж, чувствует, сколько раз на дню Берта его благодарит за уход к Клаве, он икает не переставая. Берта готова ему простить даже вывезенную технику. Да она ему простит алименты, если не будет платить. За такое счастье, как его отсутствие, они все ему каждый день должны. Они с Владиком обойдутся. Они не одни, это теперь точно. Будь здорова, Клава, – искренне пожелала Берта.

На звук ключа, поворачиваемого в двери, они бросились в прихожую втроем. И смотрели на Анатолия три пары карих, ожидающих, благодарных и осчастливленных глаз.

А он сначала был усталым и мрачным, как будто тоже не справляется с таким несовершенством мира, с таким больным ощущением своего бессилия, но встретив тепло их взглядов, улыбнулся. Пока человек не любит, он не знает, как это тяжело – отогнать тени, опасности и беды от объекта своей любви. Своей бесконечно неутоленной любви, которую непонятно как доказать, показать в надвигающейся тьме.

– Есть хорошая новость, – ответил он беспокойному взгляду Берты. – Перехватил один заказ у подчиненного. Случайно увидел. Один человек хочет маленький

домик. По самой бюджетной цене. Я всегда просматриваю информацию на заказчиков. А это – ты не поверишь, – частный детектив. Я даже читал что-то о нем. Сергей Кольцов. Лихой, читал, он парень. Классный оказался мужик. Обращайтесь, сказал, если что-то понадобится. Я не очень выгодный заказчик, но могу быть полезен там, где свистят бандитские пули. Честь, говорит, имею.

– Действительно очень хорошая новость. Толя, хочешь, я сбегаю в магазин за водкой или вином? – предложила Берта, которая ненавидела запах алкоголя от мужчин вообще, от Коли в частности. – Надо помянуть Рекса, отметить наш первый общий вечер. Ты рад, что я привела Джессику сюда?

– Так рад, что не знаю, как сказать... А сбегай. Как покорная жена. А я буду тут ждать, как твой господин. И буду уверен, что ты не перепутаешь дом или дверь.

Он легко доказал свою неутоленную любовь во тьме. И лишь на рассвете, поймав ее стон и крик, в котором нет ни беды, ни тоски, а одна лишь сладость, его горькая и нежная сладость, – лишь в ответ на этот нежный призыв он сделал Берте предложение руки и сердца.

Глава четвертая

Ночь Амины

Ночью Амина не была одинокой. Она закрывала хлипкую дверь деревянного барака на условный крючок изнутри, и к ней прилетали все. Все родственники огромной семьи, живые и мертвые. Муж, который побоялся с ней возвращаться в Москву. «Там и нас убьют», – сказал он. И ее маленький, теплый, смешной, пахнувший счастьем сынок. Когда его вырвали из ее рук, у нее потекло молоко из полной груди. Она не успела покормить сыночка. Он кричал, а молоко все текло по ее телу, по животу, в котором она выносила своего ребенка, по ногам, которые пришли на то место, где его украли, где убивали. По ногам, которые не могут найти место, где его прячут. Они не могли его убить. Так не поступают даже звери. Звери берегут и защищают зверят. И своих, и чужих. Амина не верит в то, что Умара нет. Ей снится, что она его кормит, и тогда из ее груди льется горячее молоко. Горячее, чтобы его согреть.

А ее глупые ноги опять принесли ее не в то место. У нее душа изболелась в этом страшном аду, где животных держат для того, чтобы радоваться их мучениям. Где богатая, очень богатая хозяйка ворует все деньги, не оставляя копейки им на еду. Амина сама не могла есть, зная это. А получала она гроши, на них никого даже не подкормишь. И потому сохранила телефон, взяв случайную газету на столе конторы. Журналистка Виолетта писала как раз о плохих приютах. О живодерах. Это правильное слово. Но теперь эти бандиты знают, что позвонила она. Когда по телевизору сказали, что информация о большом количестве невывезенных мешков с мертвыми животными поступила из приюта, охранники проверяли у всех работников мобильные телефоны. Нашли у Амины исходящий звонок в редакцию. Даже не стали угрожать. Охранник сплюнул и бросил ей в лицо ее телефон. Амина очень боится. Но за ней утром придет Виолетта. А пока она будет спать, может, получится покормить Умара. И сразу наступит утро.

Ей стало тепло, как на родине. Ее грудь ныла от блаженства, когда она положила щедрый сосок в маленький, истосковавшийся ротик...

И тут дверь ее деревянного барака выбили ногой, и крючок отлетел. И они вошли. Они назывались тут охранниками, но Амина с самого начала понимала: это были чистые бандиты. И кричать она не могла не только потому, что пропал голос, но и потому, что услышать могли только такие же бандиты. И потому, что она не хотела, чтобы они радовались ее боли и позору, как радовались те, в форме, ее материнскому отчаянию.

Им пришлось долго рвать ее одежду. Она здесь на ночь не раздевалась, а наоборот, одевалась, напяливала на себя все, что у нее было. Так она вооружалась, бедная Амина. Они смеялись, издевались. Били палками ее по голой груди, по животу, в котором она носила сыночка, по бедрам, по лицу. Теми палками, которыми они забивали животных в мешках.

Амина не чувствовала боли, она не знала, что течет по ней, из нее – молоко или кровь. А потом блеснул нож, и лезвие вошло в ее живот, туда, где, возможно, и прячется сейчас Умар.

Амина сразу не умерла, как ей хотелось бы. Она нашла не сына, а себя. Было темно и мокро. Пахло землей, ее кровью и трупами животных. Она поняла, куда ее бросили. Это овраг за приютом, туда сваливали содержимое мешков и засыпали слоями земли. Ее еще не засыпали. Потому что ночь. Им плохо видно. А утром придет за ней Виолетта. И Амина поползла, раной по земле, по дороге,

оставляя за собой свой кровавый след. Так ползут умирающие суки. Но она не умрет. Ей нельзя. Она мать. И за ней приедут.

Она доползла до входа в приют, затем до кустов, из которых виден этот вход, и там затаилась в ожидании утра, зажимая рану рукой и оставшейся на ней тряпкой. К утру она привыкла к своей боли, которая спасала ее от смерти. И у Амины хватило сил выползти на дорогу, навстречу машине Виолетты. Есть бог матерей, раз она дожила, раз Виолетта приехала так рано. Пока Амина жива.

Глава пятая

Борис Георгиевский

Он был прокурором и сыном прокурора. Мать очень хотела, чтобы он стал адвокатом. Но Боря сказал ей:

– Мама, пойми, если я обвиню преступника, если сделаю это так, как нужно, так, что никто не поспорит и не оспорит, то жертве не нужен будет адвокат. Я и буду ее адвокатом. А спасать преступников я не буду никогда.

Мама поняла. А начальник его отдела в Генпрокуратуре не просто не понял. Он слишком хорошо понял. Что от такого обвинителя, который роет не там и не так, как велено, от такого работника нужно избавляться. Не уволил, просто создал условия, при которых остаться в отделе не представлялось возможным.

Борис написал заявление без объяснений, вызвав некоторое удивление и, возможно, разочарования начальника. Это же особый кайф, когда подчиненный уходит жалко и побито, в мольбе глядя на руку, которая ему выписывала зарплату. А так даже заявление об уходе подписывать нет никакого удовольствия. Но пришлось. Боря взял его и улыбнулся своей приветливой и мягкой улыбкой. «Черт, даже жалко, – подумал начальник. – Единственный живой и симпатичный парень в отделе». Так они и расстались, неизвестно, к чьей радости. Боря перебрал на домашний компьютер все свои материалы и уехал в однокомнатную квартиру, которую ему выбил друг отца.

Была, конечно, мысль вернуться к родителям в Сибирь, там как-то чище и просторнее дышится, чем в этой душной Москве. Там его знают, там уважают его отца. Меньше всего он вообще-то боялся надолго остаться без работы. Прокуратур в Москве много, то, что остальные не генеральные, в чем-то гораздо удобнее в плане того, что тебя не просвечивают со всех сторон, не отслеживают каждый шаг. Его не раз пытались переманить на живое место. Летят прокурорские головы. Невидимые миру головы. Первый звонок раздался в тот же вечер. Звонил бывший следователь Генпрокуратуры Армен Петросян, который уволился годом раньше. Молодой и талантливый парень, который давно мечтал о своем деле. Он сообщил, что у него все получилось.

– Я приглашаю тебя, Борис. Все оформлено для частного агентства «Скорая юридическая помощь». Уже подписал договор об аренде небольшого закутка в старом доме на Цветном. На ремонт денег, конечно, нет. Думаю, справимся сами. Ты будешь моим третьим сотрудником. Отказа не принимаю. Это свобода, Борис!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/mihaylova_evgeniya/plata-za-kapel-ku-schast-ya

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)